

Швейцарский дядя

Драматург написал пьесу. Он написал ее, как говорили в докомпьютерные времена, (в котором уже лежали полсотни его пьес) в стол.

Написал, ибо писательство — это пагубная зависимость от букв, слогов, слов, предложений, частиц и всякого рода междометий, которую не снимут ни психологи, ни психотерапевты, ни психиатры, ни колдуны с экстрасенсами. Сочинил и послал (не ожидая ответа) в различные «русскоговорящие» театры.

Режиссер музыкально – драматического театра лежал на кровати и надрывно стонал. После вчерашней премьеры страшно болела голова. Нужно было подняться, открыть холодильник, достать и выпить бутылку пива. Боль бы отступила, но не было никаких сил не то, что дойти до холодильника, а даже оторвать голову от подушки. С прикроватной тумбочки подал голос айфон.

Шрек, как называли режиссера (за сходство с мультипликационным героем) в театре, взглянул на дисплей айфона. На нем светились цифры театральной администрации. Режиссер откашлялся и придав голосу притворную бодрость, проговорил:

- Я вас категорически приветствую!

- У меня новость, - затараторила, минуя приветствие завлит театра, - я только что прочла одну пьесу – это то, что вы ищите: легкая, веселая, актуальная. Я вам ее сейчас пришлю.

- Спасибо, но я сейчас немного занят...

Завлит не пожелав выслушать, чем занят ее собеседник прервала разговор.

Режиссер встал, покачиваясь и ойкая зашел в туалет, справил утреннюю нужду, подошел к зеркалу и взглянув на свое отражение, проворчал:

-Правы. Ох, как правы мерзавцы! Шрек! Чистой воды Шрек!

Закончив с туалетом, режиссер подошел к холодильнику: достал бутылку пива и стал жадно пить.

- О, что радость! Что за благодать – холодное пиво в утренние часы, когда весь организм: ноет, трепещет, жаждет, требует, взывает и алкает.

Опустошив бутылку, режиссер присел на диван и стал внимательно прислушиваться, как бежит по сосудам и венам облегающая страдания: печени,

сердца, почек, мозговых долей, полушарии и душевных терзаний - спасительная благодать.

Когда наконец организм и мораль пришли в относительную норму - режиссер принял душ, сварил кофе, добавил в него добрую порцию коньяку и открыл письмо с текстом пьесы. Порадовало и положительно настроило к автору пьесы то обстоятельство, что сочинитель вначале поместил синопсис пьесы. Избавив таким образом несвежую голову от чтения монологов и диалогов героев.

Добрый день. Предлагаю вам синопсис пьесы Швейцарский дядя.

Прочел режиссёр вслух и перешел на невнятное бормотание.

Действие пьесы происходит в эмигрантской среде.

Герои пьесы живут, радуются (хотя и ходят в медицинских масках) грустят, влюбляются и наконец, вопреки вездесущему вирусу - женятся. Главный герой пьесы Борис молодой интеллигентный человек, коих в наше время принято называть "ботаниками" получает, как водится, во всяком приличном водевиле, письмо от своего престарелого (живущего в Швейцарии) дядюшки. Швейцарский дядя героя - может и не

самых честных правил, но весьма обеспеченный, да что там обеспеченный, чертовски богатый человек, намеревается сделать Бориса наследником своих капиталов, до которых племянник неохоч. Борис постоянно заявляет, что деньги дяде заработали рабочие так вот им они и должны принадлежать, а никаким то там наследникам. Одним словом – левак.

Однако вернемся к сути. Почему же дядя захотел оставить деньги Борису, а дело все в том, что дядя человек одинокий: ни жены, ни детей, ни даже собаки, а из родных у него и есть, что только племянник Борис. Было бы удивительно, если бы, как всякий дядя из водевиля, оставил наследство без всяких условий. У Бориного дяди тоже есть условие... он оставит наследство только в том случае, если его (также одинокий племянник) будет иметь семью, жену и парочку-другую славных детишек разного пола.

Племянник пишет (зная, что дядя довольно пожилой человек вряд ли приедет, чтобы проверить правдивость слов племянника) дяде ответ, в котором заверяет милого родственника, что он уже женат и ждет прибавления в своем семействе. Борис отправляет письмо и ждет наследства, которое он, как благородный и возвышенный человек хочет передать в фонд экологической организации, которая занимается спасением айсбергов от их стремительного таянья. Мало того, он уже даже подписал с ней

договор. Но судьба наносит ему удар, который в боксе называют «ударом ниже пояса»

Дядя намерен, несмотря на возраст, здоровье собственными (хоть уже и подслеповатыми) глазами лицезреть счастливое семейство племянника. Борис срочно обращается за помощью к своей деловой соседке Белочке.

Узнав о проблеме Белочка сразу, что называется, берет быка за рога, то есть начинает энергично искать Борису фиктивную невесту и очень быстро находит ее в массажном кабинете. Борис возмущен, узнав каким бизнесом занимается его (хоть и фиктивная) жена.

Белочка успокаивает его тем, что в массажном кабинете занимаются не только тем, о чем подумал Борис. После мучительных раздумий Борис соглашается. В конце концов - это же временно и не для личного обогащения, а для спасения айсбергов. Какого же было удивление Бориса, когда в фиктивной жене он узнает любимую девушку, с которой когда-то нелепо расстался и которую на протяжении всех этих лет горячо любил.

Пройдя через ряд серьезных и комичных ситуаций Борис помогает обрести счастье и своему другу Льву с милой женщиной Юлией, с которой Лев тоже когда-то глупо расстался и которую долгое время по-прежнему горячо любит. Все довольны, счастливы, радостны и ждут приезда дядюшки. Приедет ли дядя и

оставит ли он наследство своему племяннику, будут ли спасены айсберги вы узнаете, прочитав пьесу.

Режиссер вошел в кабинет директора театра, откашлялся и сказал торжественным голосом.

- Я нашел интересную пьесу на злободневную тему.

Директор приподнял очки и посмотрев на режиссера, спросил:

- Надеюсь не на тему летних протестов?

- Я разве похож на мученика!

- Ну – значит пьеса про пьянство.

- Почему это?

- Потому что это ваша любимая тема и не только в драматургии, но и в жизни. От вас и сейчас несет, - директор принялся, разгонять ладонью воздух, - как от винной бочки. Когда это кончится!? Сколько раз я вас просил. Прекратите! Остановитесь! Вы же работник культуры... должны нести в массы здоровый образ жизни. Воспитывать в нашем человеке патриотизм, а вы своим обликом можете

воспитать... уж простите... не патриота, а ингагента.

- Давайте не обо мне, - остановил директора режиссер, - а о пьесе.

- Ну, хорошо, - безнадежно махнув рукой сказал директор, - давайте о пьесе.

- Вот она.

Режиссер протянул рукопись пьесы. Директор оценивающе взвесил ее на ладони:

- Хм. Судя по весу... пьеса затратная. Одних водочных бутылок несколько ящиков понадобится.

- Нет, там никакой водки.

- А что есть?

- Любовь!

- Развратная?

- Чистая!

- Не верю!

- Ну, если не верите мне, то поверьте автору.
Прочтите пьесу.

- У нас с бюджетом туговато... сейчас.

- Могу вас обрадовать автор готов... ради постановки его пьесы пожертвовать гонораром и отказаться от авторских прав.

- Откуда вы это знаете? – Поинтересовался директор.

- Он сам об этом написал. Вот прочтите.

Режиссер поднес к директорскому упитанному и хорошо выбритому лицу дисплей своего айфона.

- Я автор, - директор перешел на междометийное хмыканье, - ГЫМ, ХЭМ, ТЫК- МЫК, ГМЫ...

- Это плохой автор, - Завершив чтение, сказал директор

- С чего вы так решили?

- Потому что хорошие авторы от гонораров не отказываются.

- Он, уверяю вас... хороший автор!

- Ладно оставьте мне пьесу я прочту и дам окончательный ответ.

Прошла неделя. Прошла вторая. Пошла третья.

- Он занят. Секретарь директора грудью остановила направляющегося к дверям кабинета режиссера.

- Я на минутку.

- Вы что русского языка не понимаете. Директор занят. Занят, то есть к нему нельзя. Так вам понятней?

- Я не по личному. Я по производственному вопросу.

- Это не имеет значения. Он сегодня не принимает ни по какому вопросу. Приходите завтра.

- Позвольте вас спросить, - сказал с усмешкой непрошенный визитер, - как я могу решать за завтрашний день, если не могу поручиться за сегодняшний. Пустите!

Режиссер вцепился в дверную ручку.

- Отойдите от двери, - завопила секретарша, - отойдите. Я позову охрану!

- Что там такое, - слышался из-за двери недовольный голос, - что случилось. В чем дело.

Дверь кабинета отворилась.

- Вот он, - секретарша указала на режиссера, - требует впустить его к вам. Хотя я ему объяснила, что вы заняты.

- В чем дело. Обратился директор к режиссеру.

- Мне нужно поговорить.

- О чем?

- О пьесе.

- Какой пьесе?

- Которую вы взяли на читку.

- А да, да. Ну, что ж проходите.

Директор и режиссёр вошли в кабинет.

- Садитесь, - директор указал на стул, посмотрел на часы, - у вас пять минут. Слушаю вас.

- Вы прочли пьесу?

- Прочел.

- Ну, и?

Директор снял очки и протирая стекла ответил:

- Вы меня обманули.

- Каким образом?

- Вы сказали, что в пьесе нет пьянства, а оно процветает не то, что в каждой сцене, а в каждом абзаце. Всякая встреча героев сопровождается распитием спиртных напитков.

- Но они же пьют по рюмочке... за встречу, за знакомство. Это чисто русский обычай.

- Они не русские. Они евреи.

- Они русские евреи, живущие за границей.

- Нерусские евреи могут обидеться, что их рисуют, как пьяниц, - привел аргумент директор, - в наше политкорректное время — это нужно учитывать.

И потом зачем нам эмигрантская тема. В эмиграции сейчас проживает очень много экстремистов и

радикалов, что сбежали из страны после летних событий.

- В пьесе об этом нет даже и намека.

- Это прочитается, - сказал директор тихим голосом,
- меж ребер подтекста. И даже это не главное...

- А что главное, - перебил директора режиссер, - я вас спрашиваю. Что!?

- Я отвечу, - заверил директор, - если вы не будете меня перебивать.

Хозяин кабинета выдержал паузу и заговорил несколько трагическим голосом.

- Главное в ней тема. Тема пандемии.

- Но у нас все актеры привиты. В зале соблюдается социальная дистанция. В чем проблема.

- А герои. Поинтересовался директор

- Герои ходят в санитарных масках. Ответил режиссер

- В масках да, а привиты ли они?

- Герой пьесы говорит, что он адекватно вакцинирован.

- А где его QR код. Где я вас спрашиваю. Почему он его не показывает?

- Кому, он должен его показывать?

- Героине. Героям пьесы. Зрителю наконец. Если уж взялся писать пьесу о пандемии, то освети этот вопрос со всех концов.

- Пьеса не о пандемии, - воскликнул режиссер, - она о любви.

- Какая может быть любовь, - возмутился директор,
- когда на дворе свирепствует смертельный вирус.
В это время нужно сидеть дома и соблюдать социальную дистанцию. А герои только и делают, что обнимаются и пьют на брудершафт. Потом... почему они все время шутят, подтрунивают друг над другом.

- Потому что это комедия, водевиль, - объяснил режиссер, - а какая комедия без шутки, без каламбура.

- Дорогой мой, какие могут быть каламбуры, когда у нас число заболевших растет, как снежный ком.

Больницы переполнены, не хватает медперсонала, кислородных масок, а вашим... простите героям... все хи — хи, да ха- ха.

- А что ни могут сделать? Поинтересовался режиссер.

- Кто?

- Герои пьесы, - ответил режиссёр, - они ведь не чиновники из Минздрава. Не врачи. Не производители кислородных масок. Они простые люди, которым «посчастливилось» жить во времена пандемии.

- Коль «посчастливилось» то пусть и учат зрителей, как жить в эти нелегкие времена. Мыть руки. Держать дистанцию. Сидеть дома, а не шататься черт знает где! И потом я поговорил со своим духовником отцом Никодимом. Он тоже против. Он, кстати с женой переболел этой заразой. Такой ужас, сказал он мне, что не приведи Господь. Какие, сказал, могут быть шутки. Кроме того, есть установка обходить эту тему стороной.

- То есть цензура!?

- Не цензура, - ответил директор, - а рекомендации.

- Значит вы против.

- Я не против, - заверил директор, и добавил после короткой паузы, - но следую рекомендациям руководства. Да, еще в пьесе угадываются намеки на нетрадиционные отношения. Голубизны нам и без пьес хватает.

- Нет в пьесе никакой голубизны. Возмущенно произнес режиссер.

- А разве я сказал, что она есть. Я сказал, что она угадывается.

Директор взглянул на часы.

- Ой, я обещал пять минут, а беседую с вами уже больше получаса. Простите, но мне нужно работать....

Вечером режиссер напился до приятного бесчувствия, а драматург получил письмо такого содержания.

«Уважаемый автор, благодарим за ваш интерес
проявленный к нашему театру. К сожалению, мы не
может взять вашу пьесу Швейцарский дядя. По той
причине, что репертуар театра на ближайших
несколько лет уже сформирован»